

УДК 316

Ю.М. Бубнов

СОЦИАЛЬНЫЕ ОБРАЗЫ МУЖЧИНЫ И ЖЕНЩИНЫ

В статье рассматривается историческая логика изменения социальных образов мужчины и женщины. Показана социальная обусловленность поло-ролевой структуры личности, определены причины феминизации мужчин и эмансипации женщин.

Введение

Одними из самых важных в жизни человека социально значимых нормативных комплексов являются поло-ролевые стандарты поведения. Эти поло-ролевые стандарты вырабатывались на протяжении многих веков, оседая в подсознании людей и во многом определяя не только взаимодействие мужчин и женщин, но и важнейшие надстроечные структуры общества. Эти нормативные комплексы мы и будем именовать термином «социальные образы мужчины и женщины».

Понятие «социальный образ» используется здесь в качестве синонима категории «социальный стереотип». Согласно определению социального стереотипа, данному Е.М. Бабосовым и В.И. Русецкой, он представляет собой «схематичное, стандартизированное и устойчиво выраженное (фиксированное) представление о социальном объекте или явлении, как правило, эмоционально окрашенное... Его социально-психологическая основа – формирование социальной установки, ценностно значимой для данной личности в ее деятельности и общении, субъективно существующей в виде устойчивого образа, нормы поведения» [1, с. 352]. Категория «социальный стереотип» достаточно хорошо разработана в социологии. Однако, на наш взгляд, он оценочно не нейтрален, перегружен таким негативным значением, как «предвзятость» [2, с. 389]. Поэтому мы предпочли родственное ему понятие «образ». Во-первых, потому что оно эмоционально нейтрально, а во-вторых, позволяет соотнести идентичную фактуру «стереотипа» и «образа» по вектору «реальный – идеальный», что для нас, как будет показано ниже, существенно важно. К тому же, на наш взгляд, эвристическая ценность производного понятия «идеальный образ» состоит в том, что оно имеет две взаимообусловленные стороны, фиксируя одновременно и то, чего человеку недостает, и то, к чему он стремится, каким хотел бы видеть себя и других. Это своего рода конкретизация жизненного сценария по половому признаку, модуль социального поведения индивида, с одной стороны, имеющий корни в его прошлом социальном опыте, а с другой – обращенный к идеалу, в будущее.

Зная фактуру и динамику изменения в структуре идеальных образов мужчин и женщин, можно более целенаправленно формировать социальную политику органов власти, точнее адресоваться в различных политических и идеологических акциях, например, строить предвыборную кампанию, определять концепцию средств массовой информации и пропаганды, решать вопросы экономического характера (реклама, маркетинг, управление персоналом на производстве) и т.д., не говоря уже о нашей непосредственной задаче – повышении качества брачно-семейных отношений. В контексте тематики нашей работы особенно важным является то, что категория «идеальные образы мужчины и женщины» может стать действенным инструментом для диагноза, прогноза и корректировки супружеских проблем.

Историческая динамика социальных образов мужчины и женщины

Каждое общество в любую историческую эпоху вырабатывает свои особые стандартные образы, эталоны мужчины и женщины. Эти своеобразные шаблоны поведения,

мышления, психологического склада и даже внешнего облика «вживляются» индивиду методами социализации, посредством воспитания, обучения и подражания. В качестве стимуляторов процесса усвоения индивидом этих выработанных без него и до него норм общество применяло разнообразные средства поощрения и наказания, как моральные, так и более весомые, начиная с экономических и кончая уголовными санкциями.

Народная, а тем более архаичная культура формулировала и затем диктовала новым поколениям определенные нормы поведения мужчин и женщин. Эти нормы, как правило, сочетались друг с другом по принципу дополнительности и составляли в совокупности относительно целостный комплекс социальных ролей, регулирующий индивидуальные ожидания и конкретное поведение сторон. Этнографические исследования свидетельствуют, что на Руси исстари вплоть до середины XX в. в женихе особенно ценились сила, ловкость, умение красноречиво говорить и играть на гармонии. Эталон красоты парня – гордая поступь, смелый вид, высокий рост, кудрявые волосы, разбитной или небрежный характер обращения с девушкой. Не выходили за норму и даже весьма поощрялись питье и готовность к дракам. Невыход юноши, например, на масленичные кулачные бои, полюбоваться на которые (и оценить достоинства будущих супругов-защитников) собиралось все женское население, могло стоить ему семейной жизни. Высшая похвала жениху звучала так: «Какой у тебя, Дуняха, жених-то, ровно бык: здоровый, большой, краснорожий!» [3, с. 240]. В таких высказываниях приоритеты мужского социального образа обозначены совершенно недвусмысленно.

Эталон привлекательной девушки был во многом иной. В потенциальной невесте особенно ценилась плавная походка, скромный взгляд, высокий рост, густые волосы, «полнота, круглота и румянец лица». Крепкое здоровье, необходимое хозяйке большого натурального и полунатурального хозяйства, неслучайно считалось приоритетным преимуществом девушки на выданье. «Красота в девице не главное. Главное – это рост, дородство, толщина девки, потому, чтобы казаться выше и толще, набивают соломы в сапоги, надевают побольше одежды» [3, с. 239–240]. Солидные габариты молодой женщины должны были подчеркнуть также и детородный потенциал будущей матери. Обилие же одежд на невесте свидетельствовало о величине приданого, полагавшегося за нею. Поведение девушки-невесты строилось на сложной и противоречивой комбинации социальных требований. С одной стороны, она должна была держаться скромно и с достоинством, как того требовали общеженские стандарты поведения. С другой стороны, она должна была проявлять темперамент, необходимый для того, чтобы завоевать и сохранить роль «сударушки» парня. Общественное мнение и стандарты будущей семейной жизни требовали от нее сдержанности и моральной чистоты, а нормы внутригруппового поведения молодежи – игровой, часто эротически окрашенной раскованности [4, с. 98]. С вступлением невесты в брак эта противоречивость социальных требований устранялась однозначностью традиционной роли женщины в семье.

Довольно жестко организованная система половых образов почти не оставляла места для значительных индивидуальных вариаций, зато делала брачно-семейное общение жен и мужей взаимно прогнозируемым, что положительно влияло на устойчивость брака в традиционном обществе и в целом на стабильность самого общества.

Коренные изменения в экономическом базисе, а также в политико-правовой сфере общества не могли не сказаться на структуре и содержании социальных образов мужчины и женщины. Общество, девизом которого стала не стабильность, а ускоренное движение, вывело из состояния сбалансированного равновесия и поло-ролевою структуру ценностей. Сегодня она испытывает серьезные деформации, оказывающие огромное (хотя и скрытое) воздействие не только на жизнедеятельность института семьи и брака, но и на все общественные отношения, в том числе на экономические и политические. Особенно быстро и кардинально изменяется женский поло-ролевой образ.

Исследование этой проблематики на конкретном социологическом материале является актуальной задачей науки, поскольку отвечает настоятельным потребностям современной социальной политики.

Поло-ролевая дифференциация на начальном этапе человеческой истории

При анализе социальных фактов, в том числе и социальных образов мужчины и женщины, всегда существует опасность представить быстротекущую изменчивость реки времени в виде стоялого болота привычной сиюминутной реальности. Предлагаемый ниже текст является попыткой борьбы с этим соблазном, проявляющимся в желании наложить свой повседневный опыт и бытующие в окружающей социокультурной среде представления на все разнообразные, часто противоположные цивилизационные формы социальной жизни.

Жизнь в своем неудержимом стремлении к смерти забывает о начале. А в начале, согласно Ветхому Завету, был мужчина – Адам, имя которого, собственно, и означает «человек», «мужчина». Эту ветхозаветную традицию называть мужчину человеком как таковым сохранили, между прочим, и многие современные народы, даже такие во всех смыслах демократические, как французы и англичане. Учитывая то, что Адам был сотворен по образу и подобию Божьему, можно выразить твердую уверенность в принадлежности к мужскому полу и самого Бога, на что указывают соответствующие местоимения в библейских текстах, а также канонические изображения Создателя. Откуда взялась и кто такая в этом случае женщина? Отраженные в Библии факты сотворения мира свидетельствуют о следующем. Бог каждую тварь создал по паре, чтобы веселились они и плодились человеку на пользу. Единственное исключение составил сам человек, которому после его справедливого упрека в скуке одинокого существования все же была вырезана из его же ребра искомая спутница жизни Ева. Если к этому присовокупить еще и зафиксированную в Библии склонность Евы к непослушанию и греховности, то значение женщины в обществах, воспитанных на этой книге, можно определить однозначно. Мужчина и есть человек в полном смысле этого слова, он самодостаточен и первичен. А женщина вторична, производна от мужчины, а потому и зависима от него во веки веков. Такие идеологические образы мужчины и женщины и основанное на них распределение социальных функций, ролей, статуса стали нормой общественной жизни всей обозримой истории так называемого цивилизованного мира.

Однако, как свидетельствуют археологические раскопки, самые первые изображения богов, которые первобытный человек рисовал на скалах, вырезал из дерева или лепил из глины, представляли собой вовсе не мужчин, а женщин [5, с. 26–27]. Более того, к примеру, на критских (середина II тысячелетия н.э.) и месопотамских (середина III тысячелетия до н.э.) печатях изображались лишь женские божества и жрицы; единственное существо мужского пола имеет вид полужверя-демона [6, с. 11–19]. Самуэль Крамер – исследователь самой древней письменной цивилизации – прочитал на шумерских глиняных табличках историю сотворения мира, богов и первого человека. Оказывается, всех богов сотворила богиня-мать, которую звали Мама. Она же вылепила из глины и первого человека, разумеется, по образу и подобию своему, и назвала его (ее) Лулла. Составители Библии, позаимствовав из шумерских текстов этот, равно как и многие другие мифы, отредактировали их в соответствии с новой социальной реальностью. Что же касается ветхозаветной легенды о создании женщины из ребра мужчины, то она, как выяснил С. Крамер, оказалась результатом лингвистической ошибки при переводе древними переписчиками имени шумерской богини, ответственной за лечение болезни ребер [7, с. 152].

Этнографические факты также сильно расходятся с привычными социальными образами мужчины и женщины, с традиционным распределением ролей между ними.

Еще великий историк древности Геродот (484–425 гг. до н.э.) упоминал народы, поклонявшиеся женским божествам, где мужья во всем подчинялись своим женам. Описывая, в частности, нравы египтян, он подчеркивал, что «египетские женщины занимают выдающееся и почетное место, а их сыновья предпочитают именоваться по матери, а не по отцу» [6, с. 21]. В 1859 г. швейцарский историк Иоганн Якоб Бахофен опубликовал исследование под названием «Матриархат». Эта книга потрясла религиозные и социальные основы, за что ее автор получил от клерикалов имя «мерзкого проповедника материнского права». Бахофен собрал и исследовал доказательства женской власти (материнского права) и политического господства женщин (гинекократии) у критян, греков, египтян, у многих восточноазиатских наций. Оказывается, стадию матриархата прошли все известные ныне народы. Даже в наши дни по законам матриархата живут 30 миллионов жителей острова Суматра, несмотря на укоренившееся здесь впоследствии мусульманство. До сих пор только женщины имеют право выбора супруга (или сразу нескольких супругов) в некоторых районах Тибета, Индии и Китая, в племенах африканских скотоводов-кочевников и австралийских аборигенов. Для большинства же народов в память о тех далеких матриархальных временах сегодня остался лишь всемирный праздник 8 Марта, когда почти в каждой семье в сентиментально-карикатурном виде воспроизводятся порядки женского господства.

Почему же матриархат, просуществовавший многие тысячелетия, уступил место патриархату? Знаменитый исследователь древнего общества и древней семьи Льюис Генри Морган основой матриархата считал «род в его архаической форме». «Общинное землевладение и коллективная обработка земли, – писал он, – должны были привести к общинным домам и коммунизму домашней жизни» [8, с. 199]. Дело в том, что существование рода как единой полигамной семьи делало возможным учет родства только по материнской линии. Отсюда и повышенный социальный статус женщины-прародительницы в древние времена. Тысячи лет жили наши предки под мягким женским владычеством. О том, что оно было мягким, как бы мы сейчас сказали, гуманным, свидетельствует словосочетание «золотой век», данное эпохе материнской власти современниками несравнимо более жестоких патриархальных времен. Да и сам миф о рае земном, уходящий своими корнями в самую седую древность практически всех народов, не может не иметь реальной основы. Подобно тому, как осененное теплой материнской заботы младенчество оставляет в подсознании человека неизгладимый след, так же и социальная память народов тоскует по простым и безмятежным временам матриархата. Но, как это часто бывает, погубил человечество совершеннейший, на первый взгляд, пустяк. На одной из древних греческих ваз изображена сцена передачи богиней Деметрой людям плуга. Изобретение сохи, а затем и плуга привело к обособлению от первобытного рода малой семьи, возглавляемой способным прокормить ее мужчиной. Теперь мужчина захотел контролировать появление на свет своих прямых потомков, дабы передавать только им нажитые избытки пропитания и имущества. Это, в свою очередь, подстегнуло развитие частной собственности, которая окончательно разрушила родовой коммунизм, а вместе с ним и матриархат. Наступила эпоха патриархата – жестокого, кровавого и алчного господства мужчин. Богиня, дающая жизнь, была оттеснена на вторые роли. Олимп захватил суровый Бог-отец, карающий смертью. Сила стала высшей властью. По миру рассеялись вооруженные мужские ватаги, которые добывали себе уже не столько одежду и пропитание, сколько неизвестные встарь блага: эфемерную власть и несъедобные драгоценности. Захватывая земли и покоряя населяющие их племена, эти чисто мужские коллективы образовывали государства, простиравшие свое господство на целые народы. Так возникли Рим и Киевская Русь, империя Моголов и Золотая Орда. Женщины в таких мужских компаниях были обузой в битвах, но ценной добычей и средством улады в перерывах между боями. При переходе мужчины-

воина с походного образа жизни на оседлый естественный недостаток женщин восполнялся, как и любой другой, грабежом, воровством или выкупом. Известная легенда о массовом похищении истосковавшимися по женщинам римлянами проживающих по соседству сабинянок имеет под собой вполне конкретное историческое основание. Впрочем, отголоски тех варварских обычаев живы до сих пор, хотя и приняли вид формальности, архаичного ритуала или криминального эксцесса. Красивый обычай внесения женихом невесты на руках в свой дом или, например, расположение женщины слева от мужчины (чтобы иметь правую руку свободной для её защиты) имеют в основе всё ту же древнюю практику умыкания женщин.

В обществах сословно-патриархального типа к мужчинам и женщинам стали предъявляться довольно жесткие нормы статуса, прав и обязанностей, резко различавшиеся по половому признаку. Причем если восточные религии Древней Индии и доконфуцианского Китая рассматривали мужчину и женщину в качестве двух взаимодополняющих полюсов единого целого на пути постижения Бога, то европейская христианская традиция развела мужское и женское начала в состояние антагонистического противоречия борьбы «за» и «против» Бога. Дошло даже до обсуждения католиками на соборе 1555 г. вопроса «А человек ли женщина?». Впрочем, вопрос этот был актуален и для исламских теологов. Дальневосточная традиция говорит о «Восточном Рае», где вообще не будет женщин; достойные женщины там станут мужчинами [9, с. 233]. Религиозное отвержение женщины в средневековой культуре являлось отражением ее социальной дискриминации. На протяжении многих веков женщина была желанной добычей мужчины-воина в его битвах, послушной служанкой в его доме и матерью наследников его имущества.

Справедливости ради следует сказать, что даже в условиях самого строгого патриархата значение женщины во внутрисемейных, домашних делах было далеко не ничтожным. Неспроста те же сабинянки, когда сородичи наконец-то пришли выручать их из патриархального римского супружества, воспротивились этому, встав между обнажившими мечи мужчинами, и пожелали остаться со своими суровыми мужьями. Патриархат вовсе не отрицал традиционно важной роли женщины в семье. Вся загвоздка состояла в том, что семейно-брачные отношения перестали быть главной сферой жизнедеятельности человека, они отошли на второй и третий план. А вместе с семьей покинула историческую авансцену и женщина, уступив место у рампы мужчине – активному субъекту общественно-политического процесса. Еще в знаменитом «Домострое» Ксенофонта, написанном на рубеже V и IV вв. до н.э. и очень популярном в средневековой Европе, говорится о том, что сам Бог приспособил «природу женщины для домашних трудов и забот, а природу мужчины – для внешних», общественно-государственных, т.е. вне дома [10, с. 220]. Однако общее руководство оставалось все же за женщиной. Популярный древнеиндийский афоризм гласит: «Женщина всегда остается несамостоятельной: до брака она находится под опекой отца, после брака – мужа, в старости – сына». Женщина рассматривалась как существо, нуждающееся в воспитании наравне с детьми и учениками. Поэтому лучше, наставлял тот же Ксенофонт, брать жену помоложе, еще ребенком, чтобы воспитать из нее хорошую супругу, мать своих детей и хозяйку дома. Мужчине же неприлично заниматься домашними делами, его прищем являются торговые, ремесленные и государственные дела.

Такое распределение ролей мужчины и женщины оставалось господствующим (за очень редким исключением) социальным правилом на протяжении всей всемирной истории вплоть до XX в. Случались, конечно, даже в сугубо патриархальные времена прецеденты женского влияния на судьбы народов и государств. Но тогда, как правило, имела место, в той или иной степени выраженная половая инверсия тех немногих жен-

щин – творцов истории. Дело не всегда было в физиологических предпосылках трансформации пола, однако смена социального полового образа оставалась правилом практически для всех исторических персонажей женщин-воительниц и предводительниц родов. Яркий пример такой социальной инверсии – Жанна д'Арк, отказавшаяся от своей довольно женственной внешности. Интуитивно она поняла, что как женщина она не могла рассчитывать на успех своего общенародно значимого предприятия, поэтому была вынуждена по сути поменять свой половой статус, сменив прическу, одежду и манеры поведения на мужской тип. Показательно, что именно это и стало непосредственным поводом для инквизиции к осуждению Орлеанской Девы на смерть посредством сожжения, что в те времена было «привилегией» лишь злейших врагов установленного Богом миропорядка [11]. Никто и ничто не должно было нарушать незыблемость мира, в котором верховная власть принадлежит мужскому началу, а в распоряжении женщины оставались кухня, церковь и дети. Долг женщины – во всем повиноваться мужу и разделять с ним все тяготы и лишения вплоть до самой смертной муки. В Индии вдовы нередко добровольно восходили на погребальный костер мужа. Лишь беременным запрещалось отдавать этот последний долг супружеской любви и верности [12, с. 328]. Из века в век передавались случаи женской самоотверженности, призванные воспитывать в должном патриархальном духе все новые и новые поколения женщин. Аррия, жена римского консула Цецины Пета, собственным примером придавшая супругу решимость с честью уйти из жизни, и благородная Паулина, пожелавшая разделить с опальным Сенекой его злую участь, своими поступками укрепляли устои патриархата [13, с. 643–654]. Символом Средних Веков стала Богоматерь, вскармливающая грудью младенца – своего будущего Бога. Культ прекрасной дамы, дошедший до нашего времени в рыцарских романах, отражал скорее не реальность, а идеал верной супруги, годами ожидающей своего странствующего мужа. Реальным же жёнам благочестивые рыцари перед походом на всякий случай одевали «пояса верности», ключи от которых увозили с собой.

Зарождение тенденции сближения социальных образов мужчины и женщины

Патриархат, выросший на войнах и насилии, в условиях расслабляющего мирного времени начинал добреть и либеральничать. Именно в такие периоды относительно длительного затишья на полях битв и стали постепенно появляться первые ростки женской эмансипации и мужской феминизации. Локальный, социально ограниченный феминизм существовал, по-видимому, во все времена. В глубинах истории при желании всегда можно обнаружить различные секты, общества и партии, начиная с полумифических амазонок и кончая тайными сообществами древних китайок «Золотая орхидея» или «Красная лампа», которые отвергали господствовавшие патриархальные нормы, провозглашая равенство полов и свободу сексуальных отношений.

Динамика социальных образов мужчины и женщины происходит по типу сообщающихся сосудов с соблюдением своеобразного закона сохранения континуума влияния в обществе. Чем больше эмансипируются женщины, тем менее мужественными становятся мужчины и наоборот. Первая волна этого обоюдонаправленного движения прошла по Европе в середине XVII в. Между прочим, немаловажную роль здесь сыграл и героический образ Жанны д'Арк, в памяти народной все-таки оставшейся женщиной. В самых либеральных по тем временам Франции и Англии появились скандальные группки «жеманниц» и «жеманников». Они выступали за новый идеал женщины, свободной от оков брака и общественных предрассудков, коими считали домашнее затворничество, заботу о детях, верность мужу и тому подобные пережитки патриархата. Жеманницы претендовали на возможность общественной деятельности, полное социальное и сексуальное равенство. Они ратовали за «пробную связь» и за ее разрыв по рож-

дении наследника, который должен, по их мнению, оставаться на попечении отца. Подлежал пересмотру и опостылевший образ мужчины-грубияна и деспота. От мужчин жеманницы требовали возвышенной, платонической любви и бесконечной верности, граничащей с мазохизмом. История знает много примеров того, как вчерашние рабы после удачного восстания становились еще более жестокими истязателями своих обращенных в рабство хозяев. Женские притязания на абсолютную власть над мужчинами были всего лишь зеркальным отражением жестокой по отношению к ним патриархальной реальности.

Но как маятник приходит в равновесие, раскачиваясь в крайние точки амплитуды, так же и экстравагантность жеманниц в какой-то степени сгладила крайности патриархального деспотизма средневековья. Комичные выходки жеманниц и жеманников имели, однако, самые серьезные последствия в деле пересмотра половых ролей и социального статуса мужчины и женщины. К началу XVIII в. в «высшем свете» у мужчин уже считались нормой женоподобные манеры и одежда. Они научились носить длинные парики, наводить румяна, ставить на щеках «мушки» и пользоваться духами. Мужской стандарт поведения стал включать в себя такие ранее несвойственные мужчинам черты, как изысканность, учтивость и утонченность манер. Проявление физической силы стало считаться неуместным и вульгарным; в моду вошли бледный цвет лица и худосочность. Даже мужчины-воины (речь идет, конечно же, об аристократах) искали и находили больше удовлетворения в будуарах дам, нежели в военных походах. Сексуальная свобода все чаще касалась уже не одних только мужчин, но и женщин, так как желавшие прослыть современными мужья из «высшего света» старались воздерживаться от проявлений ревности. Переворот социальных поло-ролевых образов затронул мужчин в гораздо большей степени, чем женщин. Эмансипация женщин не была столь заметной, как феминизация мужчин. Унификация полов в XVII–XVIII вв. осуществлялась под доминирующим знаком феминных ценностей. Столь необходимое Европе смягчение нравов проходило не без крайностей и излишеств морального свойства, которые справедливо возмущали ориентированное на традиционные ценности большинство. Эмансипация женщин, не выходящая тогда за пределы сферы чувств и сексуальных отношений, разрушала оплот нравственности, которым были брак, семья, верность жены супружескому долгу. Подвергался сомнению и растлевался патриархальный идеал настоящей женщины. Теперь сексуальная свобода распространялась не только на мужчин, но и на женщин. Идеолог разврата, давший свое имя отвратительнейшему пороку, маркиз де Сад (1740–1814 гг.) писал в своей «Философии в будуаре»: «Женщины, теперь вы, подобно мужчинам, оказались свободны, так что поприще сражений Венеры открыто всем одинаково... Ныне вам не придется краснеть при совершении прелестных поступков, напротив, мы увенчаем вас миртами и розами, оказывая наибольшее уважение той, которая превзойдет всех прочих в распущенности» [14, с. 191–192]. Впрочем, против тех, кто не пожелает распутничать, маркиз предлагал принять специальный закон, принуждающий их к разврату. Женщины, вернее, их интимные части объявлялись общественной собственностью; каждый мужчина получал право, согласно «философии» де Сада, насильно брать любую приглянувшуюся ему особу. Такой оказалась гримаса революции равенства и свободы по отношению к женщине.

Источник заразы равенства распутства искали и находили во Франции, точнее в Париже, еще точнее – в «высшем свете», Версале. И не без оснований. Семьи вельмож, покинутые социально и сексуально активными женщинами, являли собой арену пирующего порока; они распадались сами и разлагали подрастающие поколения. Государственный механизм, лишенный твердости мужской руки, уже не мог защитить даже самого себя.

В 1789 г. еще не утратившая здоровой мужественности французская буржуазия смела феминизированную аристократию, а вместе с ней и женскую эмансипацию. Парадокс состоял в том, что эмансипированные парижанки сыграли немаловажную роль в раскручивании красного колеса революции, совершив так напугавший короля марш на Версаль [15, с. 154–182]. Но когда француженки, принявшие на свой счет один из трех главных лозунгов революции, потребовали предоставления им равных с мужчинами прав, Конвент ответил решительным и единодушным отказом. Революционные события во Франции повергли Европу в длительный период войн. От мужчин снова потребовалось мужество, чтобы убивать и умирать. Повышенный спрос на мужественность укрепил патриархальные образы «настоящих мужчин» и «настоящих женщин». Женщина была вынуждена искать защиты за широкой мужской спиной и на время забыла о своих притязаниях на социальное равенство. Традиционное разделение полов было восстановлено во всех сферах жизни в полном объеме. Между прочим, «женский вопрос» и революция часто будут встречаться на перекрестках истории, в том числе и на нашей, славянской почве в 1905 г., в феврале и октябре 1917 г. Женщины, вкусив социальных и иных свобод, еще не раз соблазнят мужчин сладостью бунта. Но все революции, даже победившие, всегда надевали на женщин еще более тяжкие «пояса верности» мужчинам.

Эпоха наполеоновских войн закончилась. Европа снова окунулась в сытое благополучие. И вновь в мирной тишине громче стали слышны голоса феминисток. На этот раз ареал распространения идеологии равенства полов включал в себя не только Европу, но и Америку. Правда, уровень притязаний тогдашних борцов за половую справедливость по современным меркам поначалу был очень умеренным. Так, эталон эмансипированной женщины XIX в. – Жорж Санд – отнюдь не требовала для женщин политических прав избирать и быть избранными в государственные органы. Ее интересовало прежде всего равенство в сфере чувств. «В любви с женщинами обращаются, как с куртизанками, – писала она, – в супружеской жизни – как со служанками» [16, с. 294]. Женщина должна иметь свободу отказа мужчине и ухода к другому, считала Жорж Санд, что фактически означало требование права женщины на развод. Другой пункт её программы эмансипации включал в себя право женщины распоряжаться собственными доходами. Все эти тезисы, как видим, ничем практически не отличались от требований жеманниц. Однако волна женской эмансипации конца XIX – начала XX вв. уже отличалась от шумной, но во многом поверхностной (в первую очередь в социальном смысле) кампании XVIII в. вовлечением в общественно-экономический процесс широких масс женщин-работниц из «низов». Это было начало качественно нового этапа в формировании социальных образов мужчины и женщины.

Социальное равенство полов как тенденция исторического развития

XX в. ввел в широкую социальную практику понятие равенства классов, наций и полов. В самом его начале появились труды, где доказывалось наличие в каждом индивиде мужского и женского начал одновременно [17, с. 183]. Принцип относительности времени и пространства Альберта Эйнштейна появился на свет примерно в то же время, что и принцип относительности половых различий. Если работа великого физика возвестила начало научно-технической революции, то книги физиологов, психологов и философов, посвященные проблемам пола, стали отправной точкой массовой эмансипации женщин. Оба эти явления оказали огромное влияние на судьбы XX в. Хотя, разумеется, дело здесь не в книгах: лучшие из них лишь формулируют потребности исторической тенденции. А историческая тенденция состояла в экспансии массового капиталистического производства, что привело к господству европоцентристской модели общественного устройства индустриального типа.

Квинтэссенцыяй савременнай еўропэцэнтрыстскай цывілізацыі выступае Капітал, котарый, падобна богу Саваофу, лепіт па абразу і падобію свому новаму чалавека, закладывае ў яго сазнанне фавулу паведення, адвечаюшую яго, Капітала, нудам і патрэбнасцям. Прыменітэльна к нашэй тэме можна сказаць, што глыбіннай прычынай, вызвавшэй жанцін к актывнай абысчественнай жыці, являецца патрэбнасць індустрыяльнага абысства ў дэшевай рабочэй сіле, котарая для яго не абладает паловымі прызнакамі. Капітал, неважно даже, частны ілі государственный, ігнорыруе паловыя разлічя людэй, прадудуцыруе рабочую сілу, абладуюшую функцыянальнай універсальнасцю, спосабнасцю бустро «перетэкаць» із адной сфэры труда ў другую, а такжэ дастаточным патрэбніцкім патэнцыялам для абеспечэння пастаяннага сбыта прадуденнай прадудкцыі.

Історычэскі новыя трэбаваня на рынку труда сталі стрэмітэльна разрушаць традыцыйныя абразы так называемых «настаящих мужчін» і «настаящих жанцін», сформіраваныя ў сярэневековую доіндустрыяльную эпоху. Практычэскі с зары ХХ в. начался прадцэс массавой нівеліроўкы сацыяльных статусов індывідов с разлічнай паловай прынадлежнасцю. Апологітывуіруіащэ Капіталу ідеалогія прадпагандуіруе эту тэндэнцыю как прадгрэссывное дэло устанавленя сацыяльнага равенства жанціны с мужчынай. Прадцэс нівеліроўкы, «уравненя» палов прадісходіт, так сказаць, на встрэчных курсах: мужчіны ў условяях псіхалогыі пассивнаго патрэбленя все большэ і большэ фемінізывуіруіащэ, а жанціны, овладэвая «мужскымі» сфэрамі абысчественнай дэятэльнасці, пастэпенно маскулінізывуіащэ.

Жанціны сталі посягаць на важнэйшыя сфэры мужскай самарэалізацыі: науку, філасофію, даже палітыку і государственный управленя. Мужчіны перажывалі жанскаую экспансію чрэзвычайно болэзненно. Чтобы убедітэся ў этом, дастаточна познакомітэся с высказыванямі на эту тэму Фрыдріха Ніцше ілі Отто Вейнінгера. Однак і жанцінам – прадвароходцам ў мір мужскых цэннасцей – это стоіло очэнь дорого. Показатэльныя ў этой связі послэдыне, малоізнэсчэныя страніцы жыці Софьы Ковалевскай, яркая научная і абысчественная судьба котарой стала эталонам для мільіонав эмансіпывованых жанцін во все міре. Своымі воспамінанямі о С. Ковалевскай подэлілсэ Ілья Ільыч Мечніков, блізка знавшій ея на протяжэнні болэе двадцаты лет. «В молодосты, – пісал он, – когда она так увлэкалась матэматыкой і театром і когда она сама была очэнь увлэкатэльна, любовная сторона жыці была ей совершенно чужда». Добывшійся вершыны почэта і славы на мужском поприщэ, она, однак, чувствовала себя очэнь несчастлиной, і в дэнь прісуджэння ей прэмій Парыжскай Акадэмыі наук она пісала одному із друзей: «Со всех сторон я получаю поздравітэльные пісьма, но в сілу непонятной іроніі судьбы я ещэ нікогда не чувствовала себя столь несчастной». Прычыну этого она व्यразила в словах, абрашчэнных к её лучшэму другу: «Отчэго, отчэго нікто не может мэня полюбівть?» – повтэряла она» [18, с. 197]. Дэло, стало быть, даже не в неудовлетворенной патрэбности матэрынства (Ковалевская была матэрью), а в упущенной возмозможности полюбівть і быть любымой. Отказ жанціны от своего прадроднаго і абысчественнаго прэдназначэння, как оказалось, в концэ концов, мстівт ей жестокым разочарованіем даже в столь удачной, на прервыі взгляд, жыці. Как это ні парадоксально, но жанскаая эмансіпация, вылівшаяся в погоню за «мужскымі» стандартамі, болэнее всего ударіла іменно по «деловым» жанцінам, лівшів іх прадімушчеств жанствэнности, но так і не одарів неуязвымой самодостаточностью мужчін. Это заметівт злой крیتык еўропэйскай цывілізацыі Ф. Ніцше. Благодаря эмансіпации, пісал он, «жанціна вырождаэтся; ...в то время как она, таким образом, завладэвает новымі правамі, стрэмітэся к “господству” і व्यставляэт жанскій “продгрэсс” на своих знаменах і флажках, с ужасающэйся отчетлівостью прадісходіт абратное:

женщина идет назад. Со времен французской революции влияние женщины в Европе умалилось в той мере, в какой увеличились ее права и притязания» [19, с. 357].

Набравший силу капитализм востребовал женскую рабочую силу, более дешёвую, аккуратную и лояльную, к тому же зачастую не уступающую мужской по производительности труда. Именно эта экономически обусловленная эмансипация женщины стала необратимой, постепенно охватывающей все слои общества. Негативные последствия такого переворота в традиционной системе распределения половых ролей сразу же проявились во всей своей остроте. Массовое вовлечение в производственный процесс женщин привело к повсеместно отмечаемой катастрофе пролетарской семьи, нравственной деградации целого социального класса в конце XIX – начале XX вв. Этот фактор нельзя сбрасывать со счетов при анализе причин революционных цунами, захлестнувших в то время Европу.

Наиболее сильно декадентское разложение коснулось среднего класса и аристократии. Но причина разложения среди них заключалась скорее не в эмансипации женщин, а в феминизации всего образа жизни этих социальных классов, что особенно бросалось в глаза в отношении мужского пола. Теперь в отличие от феминизированных мужчин XVIII в. обошлось без париков и «мушек», но распад духа и идеологии мужественности был более глубоким и социально более масштабным. «Мужеподобность страшно понизилась в Европе», – констатировал русский философ В.В. Розанов [20, с. 200]. Освальд Шпенглер, выражая общие настроения, заговорил о закате Европы. Ф. Ницше предрек скорую гибель всей женственной европейской цивилизации, расслабленной в сытом прозябании, лишенной творчества и твердости героического мужского духа.

Европа и на самом деле едва не погибла. Правда, не от женского «сосуда гревовного и мерзостного», а как раз от ничем не сдерживаемого агрессивного мужского начала. Две Мировые войны показали самоубийственность возврата к идеологии фашизма, порожденного крепким мужским духом римских *fascis* и тевтонских отрядов, дружин викингов и самураев. Гипертрофированная мужественность опасна не только для отдельного индивида (средняя продолжительность жизни мужчин даже сегодня в среднем на 10 лет меньше, чем у женщин), но и для всей человеческой цивилизации. Как закономерная реакция на разгул мужской стихии с середины XX в. поднимается третья волна женской эмансипации. На этот раз это настоящий «девятый вал», вобравший в себя практически все социальные слои человечества почти на всей территории Земли. Ныне феминистские движения захлестывают мир. Враждовавшие общественно-политические системы оспаривали друг у друга пальму первенства в решении «женского вопроса». Созданы всемирные женские организации, собирающие делегатов со всех концов мира. Центр феминизма переместился из Европы за океан. В Америке еще Т. Рузвельтом была узаконена так называемая «положительная дискриминация», обеспечивающая женщинам и афроамериканцам преимущества при поступлении на работу и в учебные заведения.

Однако остережемся усматривать в этом бескорыстное желание политиков освободить несчастных женщин от тяжелых семейно-брачных оков. Дорогостоящей филантропией не могут страдать идеологи и чиновники государств, экономической основой которых является Капитал. В этом обществе всё должно окупаться, и если женщин всеми средствами выманивают из семьи в сферу общественного производства, то, значит, это кому-то очень выгодно. Меркантильный интерес проповедников женской эмансипации не всегда афишируется, однако и она имеет свою стоимость. По оценкам правительства Швеции, национальный доход даже этой экономически сверхразвитой страны мог бы быть увеличен еще на четверть, если бы полностью были использованы возможности привлечения женщин к труду в общественном производстве [9, с. 16]. Ясно, что столь высокодоходные ресурсы стали подвергаться усиленной разработке. В пери-

од послевоенного восстановления Европы, когда Капитал нуждался в рабочей силе, привлечение женщин в общественное производство достигло пика. Всего за 20 лет (с 1950 г. по 1970 г.) доля работающих по найму женщин увеличилась в той же Швеции с 29,3% до 39,4%; в США – с 31% до 38,8%; в Японии – с 25,7% до 31,9%. Государственный Капитал социалистического общества достиг еще более высоких темпов извлечения женщин из темной рутины семейного быта в сферу просветляющего общественно полезного труда. По идеологическим и экономическим причинам доля женщин в общей численности рабочих и служащих в Советском Союзе увеличилась с 23% в 1926 г. до 51% в 1970 г. Правда, к 2000 г. доля женского труда в общественном производстве, например, России снизилась до 48% [21, с. 128].

Сегодня уже не осталось сферы труда, где бы ни работали женщины, составляющие более половины совокупной рабочей силы в нашей стране. Даже в космосе доля женщин составляет уже треть всех побывавших там (у американцев). Женщины-полицейские, женщины-военные, летчики и капитаны океанских лайнеров. К концу XX в. уже всё, казалось бы, сделано для устранения первой, по словам Ф. Энгельса, в истории человечества формы неравенства между мужчиной и женщиной. Но вот тут-то и возникла проблема, указывающая на необходимость серьезной коррекции всей гендерной политики. Процесс социального уравнивания женщины с мужчиной зашел так далеко, что на сегодняшний день уже фактически осуществлен переход к социальной относительности полов. Решающее влияние на этот процесс оказала система производства. Как современное массовое производство «требует стандартизации изделий, – пишет, в частности, Э. Фромм, – так и социальный процесс требует стандартизации людей. И их стандартизация называется равенством». В современном «капиталистическом мире понятие равенства изменилось, – продолжает он. – Равенство сегодня означает «тождество» в большей степени, чем «единство». Это тождество ...людей, которые работают на одних и тех же работах, имеют похожие развлечения, читают одни и те же газеты, имеют одни и те же чувства и идеи... Женщина становится равной, потому что она больше не отличается от мужчины... Мужчина и женщина стали похожими, а не равными, как противоположные полюса» [22, с. 12–13].

Дело усугубляет тот факт, что навстречу процессу эмансипации женщин на всех парах движется феминизация мужчин. Ведь производству нужны работники, гармонично сочетающие в себе мужской творческий потенциал с женской исполнительностью и послушанием. В итоге нынешняя экономическая система в массовом порядке воспроизводит совершенно новый подвид Homo sapiens – человека двуполого. Или бесполого, что одно и то же. Речь пока идет о бесполости не в биологическом, а в социальном и психологическом смыслах. Хотя еще Платон, говоря о мифических андрогинах («муже-женщинах»), упоминал три их породы: мужчин, порожденных Солнцем, женщин – от Земли, а также – обоеполых детей Луны [23, с. 98–100]. Миф мифом, однако в начале XX в. В.В. Розанов был вынужден констатировать, что европейская цивилизация «вышла не из головы Зевса и не из бедер Афродиты, а как отсвет природы Паллады и Ганимеда» [20, с. 200]. Паллада Афина, как известно, была непобедимой воительницей, а Ганимед прославился в роли нежного любовника.

Неслучайно, что именно в конце XIX в. появился термин «бисексуальность», который немного позже З. Фрейд своими талантливыми трудами сделал популярным. Современные исследователи двуполость именуют «вершиной процесса». «Двупололая сущность, – пишет, например, французская исследовательница Э. Бадентер, – подразумевает взаимодополнение, мозаику мужских и женских свойств, сила проявлений которых сугубо индивидуальна» [24, с. 268, 270–271], то есть уже больше не зависит ни от биологического, ни тем более от социального полового статуса. Социально-статусно бесполые мужчины и женщины будут вести себя в каждой конкретной ситуации в со-

ответствии с различными поло-ролевыми нормами. Собственно говоря, и норм-то никаких по половому признаку не будет; стиль индивидуального поведения вне зависимости от пола определит производственная или служебная инструкция. А между полами останутся лишь «тонкие различия»: в строении тела, тембре голоса и т.д.

Заключение

Историческая логика неумолима. Вероятно, к двуполости дело и идет. Возможно даже, что пользы от этого для экономики будет больше, чем вреда. Однако скепсис на этот счёт более чем обоснован, учитывая те процессы, которые происходят в современной семье. Институт семьи и брака в результате кардинальных изменений в структуре социального образа женщины оказался на грани распада. Самое яркое свидетельство тому – депопуляция в наиболее гендерно «продвинутых» странах мира. В той же Швеции – лидере гендерного движения – младенцев рождается меньше, чем умирает стариков. И это несмотря на высочайший уровень медицины и чрезвычайно щедрые льготы для родителей. Так что резонно возникает уже почти риторический вопрос: «А для кого же строится современная цивилизация?».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Социологический словарь / Сост.: А.Н. Елсуков, К.В. Шульга ; науч. ред.: Г.Н. Соколова, И.Я. Писаренко ; отв. ред.: Г.П. Давидюк. – 2-е изд., перераб. и доп. – Минск : Университетское, 1991. – 528 с.
2. Краткий словарь по социологии / Под общ. ред. Д.М. Гвишиани, Н.И. Лапина ; сост. Э.М. Коржева, Н.Ф. Наумова. – М. : Политиздат, 1988. – 479 с.
3. Быт великорусских крестьян-землепашцев // Описание материалов этнографического бюро князя В.Н. Тенишева (на примере Владимирской губернии). – СПб. : Изд-во Европейского Дома, 1993. – 472 с.
4. Бернштам, Т.А. Молодежь в обрядовой жизни русской общины XIX – начала XX вв. Половозрастной аспект традиционной культуры / Т.А. Бернштам. – Л. : Наука, 1988. – 275 с.
5. Древние цивилизации / С.С. Аверинцев, В.П. Алексеев [и др.] ; под общ. ред. Г.М. Бонгард-Левина. – М. : Мысль, 1989. – 479 с.
6. Вардиман, Е. Женщина в древнем мире / Е. Вардиман. – М. : Наука, 1990. – 335 с.
7. Крамер, С.Н. История начинается в Шумере / С.Н. Крамер. – М. : Наука. Глав. ред. восточ. лит., 1991. – 235 с.
8. Морган, Л.Г. Древнее общество. Исследование линий человеческого прогресса от дикости через варварство к цивилизации / Л.Г. Морган. – Л. : Изд-во Ин-та народов Севера ЦИК СССР, 1934. – 350 с.
9. Юк, З.М. Труд женщины и семья / З.М. Юк. – Минск : Беларусь, 1975. – 238 с.
10. Ксенофонт. Воспоминания о Сократе. – М. : Наука, 1993. – 379 с.
11. Райцес, В.И. Жанна д'Арк. Факты, легенды, гипотезы / В.И. Райцес. – Л. : Наука, 1982. – 199 с.
12. Вигасин, А.А. Женщина в древней Индии (Вместо послесловия) / А.А. Вигасин // Е. Вардиман. Женщина в древнем мире. – М. : Наука. Глав. ред. восточ. лит., 1990. – 335 с.
13. Монтень, М. Опыты : в 3 кн. / М. Монтень. – М. : ТЕРРА, 1991. – Кн. 2. – 715 с.
14. Маркиз де Сад. Философия в будуаре. Тереза-философ / Маркиз де Сад. – Минск : Белфакс, 1992. – 286 с.
15. Карлейль, Т. История Французской революции / Т. Карлейль. – М. : Мысль, 1991. – 575 с.

16. Моруа, А. Превратности любви. Три новеллы. Письма незнакомке / А. Моруа. – Минск : Маст. літ., 1988. – 352 с.
17. Фрейд, З. Психология бессознательного : собрание произведений / З. Фрейд ; сост., науч. ред., авт. вступ. ст. М.Г. Ярошевский. – М. : Просвещение, 1989. – 448 с.
18. Мечников, И.И. Этюды оптимизма / И.И. Мечников. – М. : Наука, 1988. – 327 с.
19. Ницше, Ф. Сочинения : в 2 т. / Ф. Ницше. – М. : Мысль, 1990. – Т. 2. – 829 с.
20. Розанов, В.В. Люди лунного света. Метафизика христианства / В.В. Розанов. – М. : Дружба народов, 1990. – 304 с.
21. Введение в гендерные исследования : учеб. пособие для студ. вузов / И.В. Костикова [и др.] ; под общ. ред. И.В. Костиковой. – М. : Аспект Пресс, 2005. – 235 с.
22. Фромм, Э. Искусство любви. Исследование природы любви / Э. Фромм. – Минск, 1990. – 78 с.
23. Платон. Собр. соч. : в 4 т. / Платон. – М. : Мысль, 1993. – Т. 2. – 528 с.
24. Баденгер, Э. Мужская сущность / Э. Баденгер. – М. : Новости, 1995. – 304 с.

Bubnov Yu.M. Social Images of Men and Women

The historical logic of changing of social images of men and women is highlighted in the article. Social conditionality of sex-role structure of the individual is shown. The causes of feminization of men and of women's emancipation are determined.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 15.09.2014